

А.И. Эртель

Жадный мужик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А11 **А.И. Эртель**
Жадный мужик / А.И. Эртель – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-4241-3424-1

Русский писатель. Занимался самообразованием. С 1879 жил в Петербурге. В начале 1880-х гг. близок к "Народной воле". В 1884 арестован, до 1888 в ссылке в Твери. В 1883 опубликовал книгу очерков и рассказов "Записки Степняка", которая принесла ему славу писателя-реалиста. Затем появились повести "Волхонская барышня" (1883), "Пятихины дети" (1884), "Минеральные воды" (1886), "Две пары" (1887), "Карьера Струкова" (1895) и др., драма "Бабий бунт" (1884), романы "Гарденины, их дворян, приверженцы и враги" (т. 1-2, 1889) - лучшая книга Эртеля, и "Смена" (1891). Главные темы Эртеля - жизнь крестьян-бедняков, демократической интеллигенции, помещиков, купцов, расслоение пореформенной деревни. Творчество Эртеля высоко ценили А. П. Чехов, Л. Н. Толстой, М. Горький.

ISBN 978-5-4241-3424-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка.
«Книга по Требованию», 2024
© А.И. Эртель, 2024

I

В Орловской губернии есть село Большие Ключи. Тому назад лет тридцать, еще при господах, жили в этом селе три брата: Иван, Онисим да Ермил. Барин их проживал в чужих краях, мужиков не отягощал, и сидели у него мужики на оброке, высылали барину каждый покров по десяти рублей с тягла. Старший брат Иван да средний Онисим были женаты и уже имели детей: Онисим двоих имел детей, Иван — троих; меньшой брат Ермил был еще подросток. Хозяйство у братьев велось исправное, но не зажиточное. Мужики они были непьющие и на работу завистливые: выйдут, бывало, косить — за троих управляют. Но как было у них много едоков, а Ермил по своим малым годам за мужицкую работу еще не принимался, то и не было большого избытка в их хозяйстве. Обходились своим хлебом, пахать выезжали в две сохи; в стадо выгоняли бабы корову да подтелка, да четыре овцы; оброк о покрове выправляли аккуратно. Избытка же не было.

Только сделалась в России война. Пришел француз, пришел англичанин, с туркой и с итальянцем, обложили русский город Севастополь и побили много народу. Не хватило солдат у царя, велел он собирать ратников. Дошел черед и до села Больших Ключей, пришлось идти Онисиму в ратники. Пошел он, захворал в походе, — похода еще не кончил, помер от горячки. Он помер, ратничиха с сиротами осталась у Ивана, и стало Ивану очень трудно. Взялся Ермил за косу, начал привыкать помаленьку, и подумал Иван: женим малого, посадим на тягло, извернемся как-нибудь. Хотел женить, а тут случился плохой год; ударили поздние морозы, охватили рожь на цвету; летом пришла на горох вошь, горячие ветры овес пожгли. Пришлось убирать мужикам одну солому. Еще труднее стало братьям.

Тем временем у барина появились свои заботы. Пришло письмо от барина, погнала добавочный оброк по шести рублей с тягла. Староста повадился ходить к Ивану чуть не каждый день, ходит, посошком постукивает, зудит. И заскучал Иван: стыдно ему стало перед людьми за свою бедность.

Вот сели обедать, Иван и говорит Ермилу:

— Иди, Ермил, к купцу в работники. Возьмем задаток, извернемся как-нибудь. А я, как-никак, оборочусь один: может, в извоз съезжу, может, поденщина какая навернется.

Ермил покряхтел, почесал в голове, почесал вокруг поясницы и говорит брату:

— Дело-то непривычное в работниках. Кто ее знает, как оно там... Порядки, гляди, не нашенские: какой ногой ступить, где стать, где сесть...

II

Однако подумали-подумали — собрался Ермил, выправил себе билет у приказчика, пошел в город. И такое ему вышло счастье, что сразу нанял его купец и выдал вперед двенадцать рублей. Откупился Иван от старосты.

И попался Ермилу купец добрый. Ругаться не ругается, работой не неволит, харчей дает вволю, а по праздникам и водки подносит. Полюбилось Ермилу такое житье. Малый он был проворный, сметливый, и стал он мало-помалу приглядываться.

Увидит на первый раз, что купец уважает чистоту: двор у него большой, мощный, навезут мужики хлеб с базара, натаскают навозу, насорят зерном, — Ермил возьмет метлу да все чисто-начисто и подметет. Подымется метель, повалят снег, навеет вьюга сугробы — Ермил возьмет в руку лопату, да и сгребет снег к сторонке. А купец пройдет мимо, ухмыльнется, погладит бороду и скажет Ермилу:

— Старайся, старайся, парень, труды твои за мной не пропадут.

И еще видит Ермил, что купец любит почет; любит, чтоб с ним обходились вежливо, кланялись бы ему низко. Бывало так: назовет его какой-нибудь человек вашим степенством, поклонится ему, и купец рад — и всячески отличает такого человека. Ермил тоже стал приноравливаться: начал хозяина величать, шапку перед ним скидать — сам кланяется, а лицо оказывает веселое, точно ему великий праздник хозяина своего видеть. И купец очень был доволен Ермилом.

И еще видит Ермил — сыпает купец у мужиков хлеб, и как какой молодец озорнее поступает с мужиками, как ежели поход на весах выходит у него больше против других молодцов — так тот молодец приятней купцу, и случается, что купец выдает ему награждение. И носят такие молодцы одежду из тонкого сукна, сапоги на них хорошие, вытяжки, живут весело, всегда с деньгами. Ермил, не будь плох, и говорит купцу:

— Сем-ка я, ваше степенство, попытаюсь. Я к этому делу присмотрелся.

Согласился купец и остался очень доволен Ермиловой ссыпкой. С мужиками Ермил зуб за зуб; ежели ссыпка на меру идет — в мере зерно кулаком утаптывает, греблом о бока поколачивает, сгребает с хитростью все больше около краев, а середка горбом стоит; ежели ссыпка на вес — Ермил промеж весов вертится, пальцем за стрелку цепляет, норовит доску с гирями ногой подтянуть. Мужики только головами крутят.

— Ну, уж пёс у тебя этот парень, — говорят купцу.

А купец притворяется, будто не его дело. Сам же примечает за Ермилом и радуется. И призывает его один раз к себе в горницы и говорит:

— Вижу твою хватку, Ермил. Труды твои за мной не пропадут. — И тут же подносит ему стакан водки, а сам вытаскивает из кошелька пятишницу и говорит: — Это тебе за твои труды награждение. Старайся.

Обрадовался Ермил. Купил себе рукавицы замшевые, справил поддевку тонкого сукна и еще больше начал угождать хозяину.

III

И стал купец сажать его с собой вместо кучера. Поедет к господам хлеб скупать — и Ермил с ним; поедет по базарам сыпку делать — и Ермил с ним. Не нахвалится купец Ермилом. Кули набивает, подводы нанимает, мерой гремит — вся ухватка молодцовская, совсем на мужика стал не похож.

Вот раз едут они дорогой. Небо белое, поле белое, по дороге вешки натыканы, полозья визжат по морозу. Скучно сделалось купцу, и завел он разговор с Ермилом.

— Вот, — говорит, — Ермил, купили мы с тобой две тысячи кулей овса. Купили дешево, а продадим дорого. Смотри сюда, — и показывает ему на пальцах, — цена в покупке девять гривен серебра, амбар ляжет пятачок на куль; кули три денежки с пуда: девять копеек; до Москвы переправить: четвертак с пуда, за куль — полтора целковых. Сколько выйдет, по-твоему?

Смекнул Ермил, и говорит:

— По-моему, выходит девять рублей без гривны, ваше степенство.

— Дурак! Кто нынче на ассигнации считает? Смекни на серебро.

Подумал Ермил, и вышло у него на серебро два рубля пятьдесят четыре копейки за куль. Сказал он так, да тут же и притворился, чтобы польстить купцу:

— Конечно, мы люди темные, вашему степенству лучше знать, вашему уму виднее.

Купец совсем размяк от этих слов. Погладил бороду, шубой запахнулся, и еще больше стал ему люб Ермил. И показывает он ему письмо.

— Вот, гляди, — говорит, — Ермил, парень ты тямкой, одна твоя беда: грамоте не смыслишь. А я учен грамоте. Потому — ты мужик и отцы твои, может, пням богу молились, а у меня и отец купец, и дед купец, и сам я купец, по третьей гильдии. И потому мне грамота нужна. Вот в самом этом письме из Москвы пишут: цена на овес стоит сильная — три рубля серебром за куль; а коли овинный, то и набавят. Понял?

— Понял, — говорит Ермил, а у самого так и мелькает в мыслях: сколько же лишков получит купец? И смекнул, что лишков будет на каждый куль сорок шесть копеек, потому овес больше всемужицкий, сыромолотый. И, смекнувши, говорит:

— Лишков на каждый куль сорок шесть копеек выходит, ваше степенство.

— Лишков! Это барыш, малый, а не лишки. А сочти теперь, сколько всего перепадет на мою долю от двух тысяч кулей.

Не сосчитал Ермил, сбился. Купец засмеялся и говорит:

— Девятьсот двадцать целковых, дурашка ты эдакая! — И захотелось ему побахвалиться пред Ермилом. Вынул он бумажник, развернул и говорит:

— Гляди, тут всего семьсот рублевков одних. Так ежели вот доложить к этой куче еще две сотенных бумажки, — это и будет мой барыш на овес. Понял?

Покосился Ермил, видит — бумажник у купца так и распух от денег, словно подушка какая набита.

— Понял, — говорит, а у самого так сердце и загорелось от жадности.

— Вот то-то. Сказано — ученье свет, а неученье тьма, так оно и выходит. Ну-ка, малый, хлестни пегушку-то, чего она, шельма, постромки опустила.

Вздыхнул Ермил, погнался лошадей.

И стал с этих пор скучать Ермил. Возьмет ли метлу в руки, примется ли жеребца хозяйского чистить; начнет ли сугробы сгребать — не лежит его душа к работе. Поужинает, заляжет спать на печь, и тепло ему и сытно, а не спокойно у него в мыслях. Представляется ему — едут они с купцом по дороге, поле белое, небо белое; полозья визжат, вешки по сторонам натыканы, а купец запахнул шубу, и из-за шубы бумажник у него оттопырился. Люди храп подымут, на дворе петухи закричат, в соборе к утрене ударят, а Ермил все вертится с бока на бок. Прежде разъелся он на хозяйских харчах: щеки отдулись, шея стала как у борова, кафтан, что захватил из дома, — не сходится: станет застегивать — петли трещат. А тут дело подошло — отошал он от своих мыслей, из лица стал темный, глаза ввалились. Никак не одолеет своей жадности. А поглядит на купеческую жизнь — еще больше разжигает его зависть. Утром встанет купец, обрядится, взденет лисью шубу и пойдет к обедне. Домой воротится — самовар у него на столе; пироги пшеничные, лепешки сдобные. Жена разрядится, ковровый платок распустит по плечам, сидит, чаек попивает; щеки красные, сама рыхлая, толстая, так и разваливается, как малина. Наестся купец, напьется, отвалится от стола и пойдет в ряды на прогулку. Соберутся купцы в рядах, учнут шутки шутить, зазовут для потехи дурачка какого-нибудь, заставят его песни играть, плясать, — сами так и надрываются со смеху. Не то — в трактир пойдут чай пить, о торговых своих делах толкуют. Придет купец домой, — уж на столе и жареное и вареное. И гусятина каждый день, и щи с убиной, и каша с маслом, и водка, и квас. После обеда ляжет купец с женой на пуховики и спит вплоть до вечера. Выспится — за ворота выйдет, орехи начнет щелкать. Кто не пройдет мимо — поклон ему отдаст.

Тем временем колесо идет своим порядком. Мужики хлеб привозят; молодцы ссыпают, ругаются с мужиками, кули набивают. Ермил иголкой да суровыми нитками все себе руки намозолил. Ссыпка спешная, горячая. Обозы чуть не каждый день купеческий хлеб в Москву отволакивают.

IV

И видит Ермил — все колесо держится грамотой, чужими людьми да деньгами. Подумал, подумал он: «Дай, — говорит, — грамоте научусь, не обсевок я какой-нибудь на самом деле». И услышал, что живет в слободе такой человек, — обучает грамоте и счету. Выбрал Ермил праздничное время, отпросился у хозяйина будто к сапожнику за сапогами и пошел в слободу. И долго искал того человека. Жил он у мужика на задворках; кругом избушки сугробы намело; окошки крохотные, в дверь пролезать — скрючиться надо. Вошел Ермил в сенцы, обмел сапоги, взялся за кольцо, и вдруг ему стало стыдно: как это такой большой малый и вздумал грамоте учиться; не засмеял бы его этот человек!

Однако справился, виски пригладил, дернул за кольцо, вошел. И видит — сидит на лавке немолодой человек, обряжен в чистую рубаху, из себя костлявый, сморщенный, сидит и в книжку смотрит.

— Здоров будешь, — говорит Ермил, а у самого в глотке пересохло от страха. Оторвался человек от книжки, посмотрел на Ермила. И по глазам увидел Ермил, что человек тот мягкий, милостивый, не станет над ним смеяться, и сразу сделалось ему ловко. Рассказал он свое горе. И как сказал, что желает грамоте научиться, — просветлел тот человек, обрадовался, не знает где посадить ему Ермила; а как сказал Ермил, на что ему грамота нужна, понял человек, какая жадность одолевает Ермила, и запечалился.

— Ты уж сделай милость — научи, милый человек, — говорит Ермил, — я тебе не токмо — по гроб жизни буду благодарен.

Молчит человек, глядит в землю.

— Ты уж не сомневайся, — говорит Ермил, — труды твои за мной не пропадут. Как-никак — отплачу тебе.

Поднял человек глаза и заговорил. И видит Ермил — совсем перед ним другой человек: голос строгий, из лица пасмурен.

— Не от бога, — говорит, — твоя охота к учению, но от дьявола. Бог вложил в тебя понятие и дал разум. Но ежели ты захотел учиться ради наживы, ежели ты раззарился на сладкое житье и хочешь подражать купцам, — это не от бога, но от дьявола. Грамота не на то дана, чтобы душу погубить, но чтоб спасти.

— Эка, голова, при деньгах и спастись легче, — со смешком говорил Ермил, а самого зло берет на человека, — ты гляди, наш хозяин каждый день к обедне ходит, свечки ставит, по четвертаку за свечку, колокол справил в собор.

Покачал человек головой на эти слова, насупился, развернул книжку и прочитал Ермилу: «Увидел Христос богатых, клавших дары свои в сокровищницу. Увидел также и бедную вдову, положившую две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила, ибо все от избытка своего положили в дар богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, которое имела».

Ермил в одно ухо слушал, в другое выпускал; очень уж его разбирала досада на человека, и говорит:

— Ты вот что, нечего тут с тобой толковать: мне еще жеребца хозяйского надо напоить, хочешь целковый за учебу?

— Мне денег твоих не надо, — говорит человек, — подумаешь, отстанешь от

своей жадности — даром выучу. — И опять сказал: — Грамота не дана, чтобы погубить душу, но спасти.

— Да чудак ты, ежели не по торговой части, на что она мне, грамота-то, твоя! Я в мужиках и без грамоты цеп-то в руках удержу. Мне счастье свое хочется найти, талант.

— Иной и талант на погибель, — сказал человек.

Осерчал Ермил, не стал слушать человека, нахлобучил шапку, хлопнул дверью, изругался и пошел ко двору.

И на его счастье, взялся один приказчик научить его. Сбежал украдкой Ермил на базар, купил азбуку, выстрогал указку; отслужили они с приказчиком молебен святому Науму; сходили для начала в трактир, и засел Ермил. И учился он от людей тайком, крадучись, чтобы люди не смеялись над ним: вот, мол, какой здоровый малый за азами убивается. Люди спать, а он в книжку глядит; люди за ворота пойдут, а он забьется в конюшню, склады твердит. И так ему далась грамота, что не прошел еще великий пост, а уж он печатное стал разбирать, начал понимать, что если цифрами обозначено; на бумаге мог пером слова выводить.

А дела его шли своим порядком: то снег счищает, то хлеб ссыпает, то кули зашивает; и купец его не забывал: когда рублевку даст, когда две. Справил Ермил себе весь обряд, а про брата Ивана и думать забыл. Посылал ему, что причиталось с договоренного. Когда полтинник пошлет, когда четвертак. Село было далеко, за сорок верст. Мужики ездили в город редко, разве нужда какая пристигнет. С ними и посылал Ермил деньги брату Ивану.

Только на святой пришел в город Иван. Отощал за зиму; кафтан на нем с заплатами, онучи веревками обмотаны. Посмотрел, посмотрел, видит — Ермил в поддевке тонкого сукна, рубаха на нем французская, портки плисовые, сапоги вытяжные. И прискорбно показалось это Ивану.

— Ты бы, — говорит, — Ермил, поопасался маленько. Мы за зиму-то бились, бились. Телку на муке стравили, и телки не хватило, одежонку заложили. Извоза не было, скотинка отошала. Теперь вот овса на семена надо купить, а ты форсишь.

— Что ж, форсишь! — говорит Ермил. — Зажитые которые я тебе отсылал. Да пятишница за хозяином, коли не больше. А это воля хозяйская — давать сверх договору. Уж это за ухватку за мою. А ежели тебе обряд мой не по нраву — это опять дело хозяйское. — И соврал тут Ермил: сказал, что хозяин дарил его не деньгами, а одежей.

Нечего сказать Ивану. И приятно ему, что Ермилом доволен купец, и прискорбно, как поглядит на малого. «Ну, — думает, — за соху возьмется, форс-то с него скоро соскочит. Обойдется как-нибудь».

Пошли они в трактир, напились чаю с калачом, выпили водки. Иван и говорит Ермилу:

— Иди ты, Ермила, покамест к купцу, забирай расчет да укладывай худобу, а я тем временем на базар сбегаю: бабы наказывали пряжу продать.

Взял мешок, пошел на базар с пряжей.

Что тут делать! Воротит душу у Ермила, не хочется сходить ему от купца, отвык он от крестьянской работы. Поднялся он в горницы, постоял-постоял он в сенях, махнул рукой и не пошел к хозяину. Сел за воротами, сидит — подсолнухи лущит.

Иван на базаре еще выпил водки. Идет оттуда веселый, под мышками новую палицу тащит, в мешке — бублики ребятишкам да две свистульки. Пряжу продал хорошо.

Увидал его Ермил, повернулся от ворот, пошел в конюшню. «Ну, — думает Иван, — Ермил, должно, собрался, за воротами меня поджидал». Присел сам за воротами; ждет — нету Ермила. «Что, — думает, — за оказия». Пошел, разыскал.

— Собрался, что ли? — говорит. — Давай мешок-то, я туда палицу положу. Ей способней в худобе лежать. Взял деньги? Много пришлось?

Сопит Ермил, молчит. Понял Иван, что малый замудрил; взяло его сердце. Хмель ему в голову ударил, закуражился он, закричал на брата. Пошел сам к купцу. Маленько погода позвали и Ермила в горницы.

— Вот что, Ермил, — говорит ему купец, — делов у меня летом мало, а тебя вон брат требует, артачится. Я этих пустяков не люблю. К зиме приходи — опять возьму: ты малый ухватистый. А теперь иди с господом ко двору.

Выплатил, что причиталось, отпустил их. Нечего было делать Ермилу. Собрал он свою худобу. Взвалил на плечи и пошел скрепя сердце за братом.

VI

На фоминой выехали братья пахать. Обул Ермил лапти, вздел посконную рубаху, — походил за сохой. Сперва одышка брала, поясницу ломило, потом обошелся — ничего, легко ему сделалось пахать.

Однако не лежала его душа к крестьянской работе. Отлынивать не отлынивает, а все прежнюю жизнь вспоминает.

Сядут в праздник за стол. Нарежет Иван хлеба, нальет баба щей. Хлеб горький, с лебедой, щи пустые, молоком забелены. Хлебает Ермил, а сам думает: «Эх, у купца-то теперь щи с убоиной, каша с маслом!»

Зачали мужики пар метать, зацвела рожь, овес выровнялся, в трубку пошел. Дожди перепадают вовремя, теплынь стоит. Сходил Иван на полосу, поглядел, заиграло в нем сердце.

— Благодать господь посылает, урожай, — говорит Ермилу.

Молчит Ермил, крюк облаживает. Осерчал на него Иван.

— Ты, — говорит, — ровно чужой, Ермил. Ты бы поопасался маленько. Весь мир крещеный радуется, а тебе словно и дела нет.

— Экая невидаль! Зиму прокормимся, а там опять зубы на полку. Корысть-то не велика.

— А ты чего захотел? Не велика корысть. Экое слово сказал. С жиру-то, малый, люди бесятся. Ты на миру живи, не как иные прочие, а как люди живут.

Ничего Ермил не сказал на эти слова. Повернулся от Ивана, пошел под навес, зачал косу отбивать.

Видит Иван — подеялось что-то с братом. Работает как следует, пашет, косит, а нету веселья в его работе. На словах незорной, из послушанья не выходит, а нет промеж них прежнего ладу. Не свой человек Ермил в дому; словно чужак воротился он от купца. «Надо женить малого», думает Иван.

А у Ермила свои мысли. Присматривается он к мужикам и видит — большая от них пожива денежному человеку. Видит — пристигнет мужика нужда, он так и лезет в петлю к денежному человеку. Продает дешево, покупает дорого. Видит Ермил — и кабатчик опухает от мужика, и свой брат, мироед, опухает, и купец. «Эх, кабы мне деньги, — думал Ермил, — наворочал бы я делов!»

Придет праздник; иные ребята к девкам норовят — песни играть, а Ермил держит в уме другое. Прислонится к старикам и слушает. Почем мука на базаре, почем соль, за сколько мужик борова продал: все ему нужно. Все примечает и раскладывает в мыслях. Из лица стал угрюмый, задумчивый, на людей прямо не смотрит: опасается, как бы мысли его не прочли. А сам про себя думает: «Эх, кабы мне сотняжку какую раздобыть, натворил бы я делов!»

Подошли спожинки. Убрались мужики с поля, намолотили новой ржи, отдохнули на чистом хлебе. Девки на посиделки зачали собираться. Пошли по селу песни. Кабатчик целую сорокоушку припас к покрову.